

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 428–439

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 428–439

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-4-428-439>, EDN: SQRAIQ

Научная статья

УДК 340

Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации

М. А. Акимова¹, Н. В. Тюменева²✉

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Акимова Мария Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, AuthorID: 943002

Тюменева Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права, tumeneva82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>

Аннотация. Введение. Цифровизация, ускоренная пандемией COVID-19, существенно повлияла на развитие публичной власти и права, запустив трансформацию многих государственно-правовых институтов, процессов, правовых отношений. Не стала исключением и судебная система, одной из первых начавшая модернизироваться, когда в реалиях ковидного локдауна осуществление правосудия перешло в дистанционный формат. **Постановка проблемы.** Осуществление правосудия в дистанционном режиме выявило ряд разноплановых проблем организационного (например, неравные технические возможности и слабые цифровые навыки участников процесса, низкая информационно-коммуникативная культура многих из них и др.) и процессуального характера, связанных, в частности, с изменением процессуальной формы, которая стала упрощаться и оптимизироваться, а также привело к нивелированию ритуальной формы и ее несоблюдению. **Теоретический анализ.** Термин «символ» многозначен и в каждой науке имеет свое значение. Символизм всегда был присущ праву, а символы правосудия являются одними из самых узнаваемых в мире. Символы правосудия разнообразны и многозначны. Символическое значение имеют действия суда, которым придается особое юридическое значение и которые совершаются в особенно торжественной и официальной обстановке. Их следует именовать ритуалами правосудия, выраженными в особой ритуальной форме. **Эмпирический анализ.** Практическое значение символических ритуалов правосудия обусловлено тем, что они представляют собой юридические факты и имеют строго определенную форму выражения, т.е. являются частью процессуальной формы. Как показала практика последних лет, процессуальная форма при проведении судебного процесса в дистанционном формате не только упрощается, но и нередко игнорируется участниками процесса. На наш взгляд, этому способствуют внешние факторы и обстоятельства, например, использование веб-связи наравне с видео-конференц-связью. **Результаты.** В условиях цифровизации, под воздействием которой форсированно идет модернизация российской судебной системы, наметились две тенденции. С одной стороны, внедрение цифровых технологий направлено на расширение доступа к правосудию, оперативности и удобства его осуществления и, соответственно, превращения его в высокотехнологичный государственный сервис, доступный субъекту из любого места, где бы он ни находился. С другой стороны, технологизация влечет существенное упрощение процессуальной формы, порождает конкуренцию принципов правосудия, ставит под сомнение возможность осуществления ряда символических действий, выраженных в ритуальной форме.

Ключевые слова: правовые символы, ритуальная форма, правосудие, цифровизация, процессуальная форма

Для цитирования: Акимова М. А., Тюменева Н. В. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 428–439. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-4-428-439>, EDN: SQRAIQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Symbols of judicial power and rituals of justice: Their prospects in the context of digitalization

М. А. Akimova¹, N. V. Tyumeneva²✉

¹Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria A. Akimova, AuthorID: 943002

Natalia V. Tyumeneva, tumeneva82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>

Abstract. Introduction. Digitalization, accelerated by the COVID-19 pandemic, has significantly influenced the development of public power and law, triggering the transformation of many state-legal institutions, processes, and legal relations. The judicial system was no exception: it was

one of the first to begin to modernize when, in the realities of covid lockdown, the administration of justice switched to a remote format. **Problem statement.** The implementation of justice in the remote format revealed a number of diverse organizational problems (for example, unequal technical capabilities and weak digital skills of participants in the process, low information and communication culture of many of them, etc.) and procedural issues, related, in particular, to the change in the procedural form, which began to be simplified and optimized, and also led to the abuse of the ritual form and its non-compliance. **Theoretical analysis.** The term “symbol” has many meanings, and in every science it has its own meaning. Symbolism has always been inherent in law, and the symbols of justice are among the most recognizable in the world. The symbols of justice are diverse and ambiguous. The actions of the court, which are given special legal significance and which are performed in a particularly solemn and official atmosphere, have symbolic significance. They should be called rituals of justice, manifested in a special ritual form. **Empirical analysis.** The practical significance of symbolic rituals of justice relies on the fact that they have the meaning of a legal fact and a strictly defined form of manifestation, i.e. they are part of the procedural form. As the practice of recent years has shown, the procedural form, when conducting a trial in the remote format, is not only simplified, but also often ignored by the participants in the process. In our opinion, external factors and circumstances contribute to this: for example, the use of web communication, along with video conferencing, as well as the actual rejection of certain principles of justice. **Results.** In the context of digitalization, under the influence of which the modernization of the Russian judicial system is being accelerated, two trends have emerged. On the one hand, the introduction of digital technologies is aimed at expanding access to justice, efficiency and convenience of its implementation and, accordingly, turning it into a high-tech public service accessible to the subject from anywhere, wherever he or she is. On the other hand, technologization entails a significant simplification of the procedural form, generates competition of the principles of justice, calls into question the possibility of carrying out a number of symbolic actions expressed in a ritual form. **Keywords:** legal symbols, ritual form, justice, digitalization, procedural form

For citation: Akimova M. A., Tyumeneva N. V. Symbols of judicial power and rituals of justice: Their prospects in the context of digitalization. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 428–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-4-428-439>, EDN: SQRAIQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время, в условиях нового социально-технического уклада и цифровизации, характеризующихся не только возросшим уровнем развития науки и техники, но и новыми формами социальности [1, с. 6], с особой остротой встает вопрос о необходимости сохранения символов и ритуалов правосудия. Его следует решать в контексте таких общих фундаментальных проблем, как формирование «электронного (цифрового) правосудия» [2, 3], предмета и метода правового регулирования «электронных отношений» в сфере судопроизводства [4], трансформация процессуальной формы [5, с. 10–11] и управление рисками ее упрощения [6, с. 7].

Постановка проблемы

В современном мире символы и ритуалы востребованы не меньше, чем в древнем обществе, в котором они были частью важнейших общественных событий и подчеркивали значимость упорядоченных форм социальной жизни [7, с. 295].

В публично-правовой системе символы и ритуалы способствуют взаимодействию права с неформальными социальными регуляторами (моралью, религией, этикой, обычаями и традициями), обуславливая легитимацию правовых норм и формирование образа справедливого права, а также связывая общую и правовую культуру [8, с. 50].

Правосудию, так же как и праву в целом, всегда был присущ символизм [9, с. 18], который преобладал в древнем неписаном протоправе, а впоследствии в праве писаном стал сочетаться с формализмом и рациональностью, разнообразив формы символизации власти и онтологически связав «сущность суда и его функции с прошлым культурным опытом» [10, с. 69].

Символизм пронизывал жизнь античного общества. Например, в Древнем Риме по ширине пурпурной ленты, окаймляющей тогу-претексту, определялся правовой статус ее владельца – магистрата, жреца или лица, которое занимало определенную государственную должность [11]. По форме, высоте и цвету *calceus* – обуви римских граждан, легко было узнать сенатора или магистрата [12, с. 194–195].

Правовые символы использовались в качестве способа, повышающего эффективность правоприменительных действий суда по осуществлению правосудия. Символы-действия, предметы (мебели, одежды и пр.) или словесные формулы могли служить основанием возникновения, изменения, прекращения и подтверждения прав и обязанностей (правоотношений), т.е. имели значение юридического факта и порождали правовые последствия. Например, в Древнем Египте суд «изрекал приговор безмолвно и иероглифически: у председателя на груди висел знак Правды из драгоценных камней на золотой цепи; вследствие решения, постановленного судьями в тайном совещании, он обращал этот знак к той стороне, дело которой было признано справедливым» [13].

Ритуальную форму имели «ордалии», которые в древнем мире широко использовались как способ доказывания виновности или невиновности обвиняемого [14, с. 17]. А несоблюдение формальностей присяги, выраженной в форме торжественных заверений стороны в своей правоте или, наоборот, в неправоте другой стороны, неизбежно влекло проигрыш гражданского или уголовного дела для стороны, принимающей присягу [15, с. 13].

Верховную власть и неотвратимость наказания в Древнем Риме олицетворяли фасции – пучки розог, которые несли ликторы перед царем, а затем перед высшим магистратом. Фасции оставались символом правосудия на протяжении всей истории Римского государства, так как являлись атрибутами императорской власти [16, с. 125–126].

Современное правосудие стало более формализованным и менее символизированным. Но несмотря на это, символы судебной власти до сих пор являются одними из самых узнаваемых в мире [17, с. 360]: например, статуя Фемиды (или Немезиды, или Юстиции) – богини правосудия, меч, весы, судейская мантия и повязка на глазах которой олицетворяют меру воздаяния (ответственности), объективность, справедливость и беспристрастность суда; зал судебных заседаний, расположение предметов мебели в котором подчинено внутренней логике процесса и выполняемым процессуальным ролям его участников; обращение участников процесса к суду только стоя и со словами «уважаемый суд» или «Ваша честь» как неотъемлемые ритуалы, подчеркивающие руководящую роль суда в процессе и авторитет судебной власти; в некоторых правовых системах важным атрибутом правосудия является молоток, удар которым означает либо призыв участников процесса к порядку, либо требование повышенного внимания к суду; символизм ритуала уединения суда в совещательной комнате для принятия решения и пр. Названные символы судебной власти и ритуалы правосудия специфически выражают «культурную мерность суда и его оснований: разрыв этот никогда не может быть преодолен... пока суд будет оставаться судом, а не средством мести или простого прикрытия произвола власти» [10, с. 79].

Востребованность символов и ритуалов правосудия связана с разнообразием их функциональных смыслов, проявляющихся в осуществлении философской, этической, эстетической и даже когда-то сакральной и мифологической роли. В указанных значениях символы и ритуа-

лы правосудия имеют культурно-обособленный характер, способность укореняться в правосознании субъектов, сохранять, накапливать и передавать правовые традиции судейского сообщества способствуют легитимации норм права и их толкований, а также выражают властные веления государства.

Между тем цифровизация запустила процесс трансформации судопроизводства, следствием которого стала своеобразная ревизия многих институтов права и юридических процедур на предмет эффективности в онлайн-пространстве и совместимости с цифровой формой. Этот процесс многие эксперты уже назвали революционным [18, с. 190–192], поскольку его следствием стала оптимизация процессуальной формы, ее значительное упрощение, чтобы она смогла «вписаться» в новую цифровую реальность [6, с. 8]. Указанные преобразования направлены на адаптацию судопроизводства к цифровым реалиям, удобству и оперативности его осуществления в дистанционном режиме, а в будущей перспективе, скорее всего, – к алгоритмизации и тотальной технологизации правовых процедур [19, с. 40–41].

В таких условиях риски утраты символами и ритуалами правосудия своего процессуального значения только увеличиваются. Как показала практика, символы и ритуалы правосудия первыми «попали под удар» фактического игнорирования и несоблюдения в онлайн-режиме участниками процесса. Это объясняется тем, что некоторые символы правосудия зачастую играют вспомогательную роль и имеют весьма слабый регулятивный потенциал, пафосность ритуальной формы, в которой они исполняются, достаточно трудно реконструировать в цифровом пространстве, а по мнению некоторых ученых, ритуальная форма избыточна [20, с. 50] и не вписывается в цифровую реальность.

Желание скорейшего переформатирования судебного процесса под складывающийся цифровой стандарт понятно, удобство, скорость и простота – это несомненные преимущества, которые привнесла цифровизация в правовое регулирование. Однако упрощение и оптимизация процессуальной формы имеет свои пределы. Преодолев «точку невозврата», простота, способствующая доступности, понятности, оперативности, может видоизмениться до примитивизма и вызвать деградацию упрощаемого явления. В этой связи необходимо, во-первых, тщательно анализировать последствия оптимизации любых процессуальных средств, а

во-вторых, сохранять незыблемыми те из них, в которых заключена сущность и отражена правовая природа правосудия.

Полагаем, что одним из таких «столпов», формирующих образ правосудия, выступают его символы и ритуалы, выполняющие разноплановые задачи: они поддерживают руководящую роль суда в судебном процессе; с помощью них сохраняются, накапливаются и передаются традиции судейского сообщества; оказывают воспитательное и дисциплинарное воздействие на участников процесса; ряд ритуальных действий суда представляют собой юридический факт, связанный с процессуальной формой. Таким образом, символы и ритуалы правосудия представляют собой многофункциональный инструмент воздействия на участников процесса, сочетающий в себе психологические, воспитательные, дисциплинарные и процессуальные аспекты.

Теоретический анализ

Научное обоснование символизма в праве началось сравнительно недавно. Так, в XIX в. культурологическое и историческое объяснение правовых символов и ритуалов получили в работах М. О. Кулишера [21] и Г. К. Гинса [22], о символизме в зарубежном праве писал П. Л. Карасевич [23]. В советский период научный интерес к этой тематике практически угас и постепенно начал возрождаться только теперь. Современные авторы исследуют юридико-техническое значение символов и ритуалов [24], их роль в конструировании правовой формы [25] и юридической практики [26], что свидетельствует о формировании отдельного научного направления – символикосведения [27, с. 21–22].

В толковых словарях русского языка символ определяется как отличительный условный знак, предмет или действие, служащие для обозначения какого-либо понятия, явления, идеи, образа [28, с. 36]. Символ – это условная социально-знаковая единица, создаваемая для нужд определенных групп (категорий) людей по договоренности последних и являющаяся своеобразной формой передачи информации [29, с. 9].

Итак, термин «символ» многозначен. В разных отраслях научного знания он приобретает свое содержание, но независимо от этого доминирующим его признаком остается образность [30, с. 10–11].

В правоведении сложилось множество определений понятия «символ». Не цитируя все дефиниции, обратим внимание лишь на одну,

представляющую наибольший интерес для нашего исследования. Так, О. И. Шарно под правовым символом понимает культурно-ценностное государственно-правовое юридико-техническое (прикладное) средство, предназначенное для эффективности восприятия правового материала, приобретающее в зависимости от политико-правового смысла определенную форму и содержание (от условного образа до знака), используемое в особом процедурном порядке, признаваемое и санкционируемое государством [31, с. 83]. В данном определении автор подчеркивает многозадачность правового символа, единство его формы и содержания и процессуальный порядок его использования. Все эти признаки характерны для символов и ритуалов правосудия: они выполняют различные функции не только при осуществлении правосудия, но и в правовой системе в целом; законодательно закреплены, имеют специфическую форму выражения и используются в определенном процессуальном порядке.

М. Л. Давыдова предлагает классифицировать современные правовые на три группы с учетом их формы выражения и фиксации:

1) символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством («правовые символы» в узком смысле). В этом значении правовой символ можно определить как закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания и понятный окружающим людям;

2) символы, используемые в праве, независимо от нормативного закрепления («правовые символы» в широком смысле);

3) юридически значимые символы, т.е. имеющие значение при осуществлении юридической деятельности, как правило, используемые в значении юридического факта [32, с. 6–7].

В соответствии с указанной классификацией символы правосудия также можно рассматривать в узком, широком и юридико-фактическом смыслах. В узком смысле речь идет о символах судебной власти, закрепленных законодательно, к которым относятся предметы. Речь идет о Государственном флаге РФ и Государственном гербе РФ, судебной мантии (т.е. форменной одежде), а также удостоверении судьи (действующего или судьи в отставке)¹.

¹ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (с изм. от 27.11.2023) // Российская газета. 1992. 29 июля; 2023. 30 нояб.

В широком смысле к символам правосудия относятся те, которые имеют культурно-ценностное государственно-правовое и юридико-техническое (прикладное) значение, а также формируют образ судебной власти и правосудия. В широком смысле к символам правосудия относятся как предметы (например, эмблема Верховного Суда РФ, а также служебное обмундирование работников аппарата судов, имеющих классные чины), так и действия суда, выраженные в особой символической форме. Все символы правосудия отражают историческую преемственность и правовую традицию судебной власти.

Критерием отнесения символов правосудия к третьей группе является их роль в процессе осуществления правосудия, поэтому к данному виду можно отнести символические действия суда в судебном процессе. Они выражены в особой ритуальной форме, имеющей одновременно символическое и правовое значение. В науке встречается их наименование – ритуалы правосудия. Скорее всего, многие современные ученые-правоведы критически отнесутся к такому наименованию действий суда, но сразу сделаем оговорку, что законодатель не пренебрегает таким термином. Так, приведение к военной присяге и ее произнесение в торжественной обстановке законодатель прямо называет воинским ритуалом (ст. 1 Устав внутренней службы Вооруженных сил)². Следовательно, включение понятия ритуала и особенностей его исполнения в законодательную лексику означает, что данный термин обрел правовое содержание и категориальный статус.

Мы полагаем, что «ритуалом» следует называть такие символические действия суда, которые сопровождаются особой торжественностью, призваны подчеркнуть важность и значимость происходящего, а также указывают на безусловный авторитет суда и его руководящую роль в процессе.

В литературе встречается мнение о том, что правосудие в целом следует относить к правовому ритуалу, настолько символично и значимо каждое действие в нем, начиная от открытия судебного заседания и заканчивая оглашением итогового решения, которое является судьбоносным для сторон [33, с. 29–30].

В юридической доктрине правовой ритуал практически не изучен, да и само понятие не-

типично для правоправедения. Гораздо привычнее схожие с ним термины «обычай» или «традиция», обозначающие символические легитимизированные явления. Ритуал, как правило, имеет религиозный смысл, под ним понимают различные обряды, сопровождающие религиозный акт (венчание, крещение, исповедование, соборование и пр.). Более нейтральное значение ритуала связано с отождествлением его с церемониалом – порядком совершения каких-либо действий.

Довольно скудные работы по данной теме посвящены исследованию ритуалов в древнем мире. Например, в учебном пособии по теории государства и права авторы отмечают, что в древнем обществе ритуалы были важнейшими социальными регуляторами наряду с обычаями, но в отличие от них имели канонизированную форму исполнения [34, с. 22].

В своей работе О. С. Шумягина пишет о судебных ритуалах, сложившихся в обществе лангобардов. Она отмечает, что многочисленные ритуалы правосудия в древнем праве сопровождали процесс реализации нормы-казуса, содержащей конкретные действия, и таким образом способствовали ее скорейшему укоренению в правосознании древнего общества как объективно необходимой, способной восстановить гармоничный миропорядок [35, с. 79].

Таким образом, ритуалы правосудия в древнем обществе были важнейшими традиционными механизмами регулирования отношений и отражали социальные реалии той эпохи.

Примечательно, что лингвисты указывают на неопределенность этого понятия и отсутствие его четкого определения в лексикографических источниках. Под ритуалом в языкознании понимается 1) вид обряда; 2) совокупность обрядов; 3) сложная форма символического действия, поведения; 4) порядок обрядовых действий; 5) порядок совершения чего-либо, церемониал. При этом в словарных дефинициях выделяется преимущественно религиозный характер ритуала. Данные действия не имеют определенного предметного результата, а потому носят символический характер. Даже в случае утери связи с религией ритуал несет социальные и культурные ценности [36, с. 8].

В представленной семантической характеристике понятия «ритуал» подчеркнут его символический характер. Это значит, что ритуал – это разновидность символа, и соотносятся они как часть и целое или как общее и единичное. Иными словами, любой ритуал символичесок, но не каждый символ можно считать ритуалом.

² Устав внутренней службы Вооруженных сил Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 14.12.1993 (с изм. от 18.12.1996). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В современных правовых источниках со­держится похожая характеристика ритуала. Так, например, Н. С. Гончарова пишет о том, что «ритуал представляет собой символическое действие. Ритуал следует рассматривать как отдельную разновидность символа, которая представляет собой действия в форме разнообразных торжественных церемоний, совершаемых в виде одного действия (например, заслушивание итогового судебного решения участниками процесса стоя) или последовательности действий (например, удаление суда в совещательную комнату)» [29, с. 58].

Ритуалы, используемые в судебных церемониях, имеют глубокий смысл и несут в себе величие власти и права. Выраженные в определенных процедурах, традициях, вербальные и невербальные символы позволяют судье повернуться от логики к ценностям, от права к правосудию. Они помогают создать особую атмосферу в зале судебного заседания и подчеркнуть важность происходящего. И. В. Палашевская справедливо указывает, что величие права создается посредством его презентации (оформления). Так, семиотика здания суда помогает институировать авторитет судьи. Смысл ритуалов (например, процедуры отправления правосудия, тайна совещательной комнаты и т.п.) заключается в повторяющейся актуализации институциональных символов, создающих зрелищность и публичность, воспроизводящих и отсылающих к юридическому дискурсу о перформансе правосудия [37, с. 192].

Суть перформанса, пронизанного символическим и ритуальным смыслом, как основного формата отправления правосудия объясняет в своем социологическом исследовании Е. Моисеева. При всей метафоричности приведенного сравнения оно имеет логические объяснения. Действительно, судебный процесс – это публичное исполнение определенных действий в соответствии с установленными процессуальным законом ролями, подчиненное определенной цели – разрешению спора по существу, путем определения вины и привлечением виновного к ответственности. Судебный перформанс имеет глубокий политический, правовой и социальный смысл.

Так, с политической точки зрения судебный перформанс с участием общественности демонстрирует доверие к власти, повышает легитимность государства в качестве главного регулятора социальных конфликтов и гаранта социального порядка. Именно в зале суда

«сила закона ощущается визуально и телесно» [33, с. 32]. Эта визуализация происходит не без помощи символических ритуалов правосудия.

Юридический смысл судебного перформанса заключается в том, что его постановка – это необходимая предпосылка для принятия непредвзятого и объективного решения судьей. Устный и состязательный процесс помогает воссоздать, реконструировать ситуацию спора, конфликта между сторонами, который зачастую драматичен, а иногда трагичен. Такое воспроизведение правонарушения, во-первых, убеждает участников процесса, что оно было, а во-вторых, позволяет суду лучше понять психологию действия каждой стороны в нем. С помощью неформальных и формальных средств в смоделированном конфликте устанавливается правильная дистанция между сторонами.

Решение спора выносится за границы повседневной жизни и проходит в специальном пространстве, организация, символика и внутренний декор которых указывают на то, что вершится правосудие. По мнению Е. Моисеевой, материальный и символический декор зала судебных заседаний, с определенным расположением мебели, атрибутов власти, подчеркивающих законность принимаемых в нем решений, внешний вид судьи в мантии, его официальный тон, некоторая отстраненность от происходящего, беспристрастность в обращении и отношении к сторонам – все это помогает «провести грань между миром личного повседневного и миром безличных правовых фактов, придавая некую сакральность происходящему и повышая его значимость» [33, с. 34].

Наконец, социальная цель перформанса состоит в восстановлении социального порядка, и в этом значении ритуальная форма подходит как нельзя лучше. Ритуальный смысл правосудия состоит в разграничении нормального и патологического, обуславливает переход из одного статуса (законопослушного, добропорядочного гражданина) в другой (в статус девианта, правонарушителя). Ритуал помогает участникам процесса дистанцироваться от этих переживаний, разыгрываемой драмы, а обвиняемому – смириться с потерей прежних отношений, принять новый статус и начать действовать в соответствии с ожиданиями общества [33, с. 35].

Судебный процесс как ритуал, с одной стороны, направляет агрессию потерпевших в правильное русло, дает моральную компенсацию, а с другой стороны – позволяет нарушителям раскаться в содеянном, принять новую роль и

занять новое положение в социуме. Происходит социальная «церемония деградации статуса», которая сопровождается социальным порицанием мотивов поведения правонарушителя, потерей им определенных прав, преимуществ, репутации, изоляцией от общества и пр. [33, с. 33].

Социальное понижение статуса лица происходит объективно, на основе юридических норм, от имени государства, и непредвзятой формой для этого является судебный процесс. Следовательно, главную роль в судебном перформансе играет государство в лице судьи, с которым соглашается общество, заинтересованное в восстановлении социального и правового порядка и наказании правонарушителя. Последнему же остается лишь принять негативную оценку государства и общества и подвергнуться неблагоприятным последствиям.

Символизм и ритуальность не дают объяснения причин совершенного правонарушения, но способствуют психологическому принятию происходящего всеми участниками процесса [38, с. 75], т. е. выступают внешним, формальным условием, свидетельствующим о непредвзятости принятого судебного решения, его законности и обоснованности. Поэтому упрощение процедуры рассмотрения дела нарушает «сакральность» судопроизводства и ведет к девальвации судебного перформанса [33, с. 42], так как теряется сама суть судебного процесса – устное публичное состязание с участием независимого арбитра.

Как видим, символизм и ритуальность правосудия сохранялись тысячелетиями и являлись важнейшими атрибутами власти. Вместе с тем надо отметить, что с древнейших времен и до наших дней дошли не все ритуалы, а только те, которые сопровождают наиболее значимые действия в публично-правовой сфере. Каково же сегодня практическое значение ритуальной формы правосудия?

Эмпирический анализ

В российской юридической науке XIX – начале XX в. символ рассматривался не только как форма внешнего закрепления и существования определенного юридического содержания, которая формирует этику судебного процесса, воздействуя на сознание и поведение людей, не только служит для сохранения традиций судебного сообщества в качестве надежного средства хранения и передачи правовой информации, но и является юридическим фактом, выступающим правовой предпосылкой возникновения, измене-

ния и прекращения правоотношений, т.е. порождающим юридические последствия [39, с. 120].

По мнению Н. Н. Вопленко, правовые символы констатируют какой-либо юридический факт или предупреждают о юридической значимости каких-либо действий, отношений. В этой связи они являются особыми юридическими средствами, регулятивное действие которых имеет преимущественно процессуальный характер. Они предупреждают о том, как надо поступать в определенных ситуациях. Например, символизм ритуала объявления приговора суда или итогового решения по гражданскому или арбитражному делу сочетает в себе предупредительную и ориентационную функции [40, с. 73].

В современных условиях под воздействием цифровизации процессуальная форма начала оптимизироваться, и это создало реальные риски сокращения ее части – ритуальной формы, которая придается действиям суда и участников процесса, имеющим особое значение. Указанные риски заметно проявились во время пандемии COVID-19, когда все судебные процессы перешли в дистанционный формат.

Для лучшего понимания проблемы сначала обозначим круг процессуальных действий, которые, по нашему мнению, имеют ритуальную форму (с учетом их значения для рассмотрения и разрешения дела):

- порядок обращения к суду (стоя, со словами «уважаемый суд»);
- порядок определения очередности исследования доказательств в процессе (традицией этого ритуала является выступление сначала стороны-инициатора процесса, а затем стороны-оппонента);
- порядок произнесения реплик сторонами, которые образуют особую символическую процедуру обмена мнениями сторон между собой, резюмирующую судебное следствие по делу;
- порядок пребывания и тайны действий суда в совещательной комнате для постановки итогового решения по делу;
- порядок оглашения итогового судебного решения, которое всегда сопряжено с психологической напряженностью участников процесса и камерной обстановкой происходящего.

Совершение всех перечисленных выше действий в обязательном порядке должно сопровождать использование атрибутов судебной власти. Только при соблюдении этого условия обеспечивается их легитимность.

С одной стороны, названные ритуалы отражают традиции судопроизводства и подчер-

кивают руководящую роль суда в процессе, а с другой – подчеркивают равенство и состязательность сторон. Но независимо от функционального смысла, они имеют значение юридических фактов, которые влекут разные правовые последствия, закрепленные в процессуальном законодательстве.

Как показала практика последних лет, процессуальная форма при проведении судебного процесса в дистанционном формате не только упрощается, но и нередко игнорируется участниками процесса. На наш взгляд, этому способствуют внешние факторы и обстоятельства, такие как, например, вид связи, используемый в дистанционной работе суда.

Для начала отметим, что возможность дистанционного участия в процессе впервые появилась еще в 2000 г., а в настоящее время это право закреплено во всех процессуальных кодексах (ст. 155.1 ГПК, ст. 153.1 АПК, ст. 153.2, ст. 142 КАС, ст. 29.14 КоАП, ст. 278.1 УПК РФ). Смысл в том, что любой участник процесса может участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС). Режим ее использования детально прописан в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний»³.

Практический порядок использования ВКС таков: участнику процесса в назначенное судом, который рассматривает дело, время необходимо явиться в тот суд, который обеспечивает техническую возможность дистанционного подключения по ВКС. И этот же суд осуществляет необходимые при этом действия: проверку личности и полномочий участника, разъясняет ему его процессуальные права и обязанности, предупреждает об ответственности за нарушение процессуального порядка. Важно в такой ситуации, что участник процесса подключается не самостоятельно из своего дома, офиса и т. д., а из здания суда, который предоставил техническую возможность использования ВКС. В такой ситуации риск злоупотребления процессуальными правами и

³ Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (ред. от 30.12.2020) // Бюллетень актов по судебной системе. 2020. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

несоблюдения процессуальной формы в целом и ритуальной в частности был минимальным.

Однако во время пандемии, когда была введена самая строгая карантинная мера – локдаун, суды не могли предоставлять возможности дистанционного участия по ВКС. Поэтому ВС РФ вынужден был разрешить использование веб-конференц-связи (далее – веб-связь). Принципиальное отличие веб-связи от ВКС состоит не только в степени гарантированности аудио- и видеопередачи данных (веб-конференция не является защищенной связью), но и в том, что технология веб-связи позволяет участнику процесса использовать собственный гаджет для подключения и участвовать в судебном заседании, находясь в любой точке мира, т.е. без содействия каких-либо государственных органов.

При использовании веб-конференции личное присутствие участника процесса в соответствующем суде не требуется. Напротив, находясь в комфортной и привычной для себя обстановке, а не в зале судебного заседания, где все призвано дисциплинировать участников процесса, человек психологически менее настроен на серьезность происходящего, необходимость самодисциплины и самоконтроля. Соответственно, в таких условиях риски пренебрежения к ритуальной форме лишь возрастают.

С формальной точки зрения использование веб-связи в момент ее внедрения еще не было урегулировано процессуальным законодательством (было регламентировано лишь использование видео-конференц-связи с заранее установленной процедурой проверки судьей). Но в условиях пандемии веб-связь стала единственной возможностью для граждан защитить свои права в суде. Суды начали совершенно правомерно, по нашему мнению, применять аналогию закона.

В дальнейшем Верховный Суд РФ подтвердил правильность такого подхода⁴. Нижестоящие суды оперативно внесли в свои Регламенты рекомендации о поведении участников дистанционного процесса, подключающихся по веб-связи. В скором времени и законодатель внес соответствующие изменения в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, и тем самым была легализована сложившаяся практика использования веб-связи.

Столь важное и оправданное решение позволило судам обеспечивать непрерывный

⁴ О приостановлении личного приема граждан в судах : постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

доступ граждан и организаций к правосудию даже в сложнейшей санитарно-эпидемиологической ситуации, сложившейся во время ковида. Судебная система России и до пандемии была одной из самых прогрессивных по доступности и гарантированности правосудия. В этой связи закономерно, что суды России были признаны наиболее технологически развитыми на европейском пространстве [41]. Проведенный анализ показывает, что практическая востребованность символов и ритуалов правосудия по-прежнему остается высокой, однако в условиях цифровизации увеличиваются риски их несоблюдения.

Результаты

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что символы и ритуалы правосудия существуют с древних времен. Однако в процессе эволюции снижалось значение символизма правосудия в угоду рациональности. Но и в современный период высоких технологий и цифровизации символы и ритуалы, формирующие образ правосудия и неотъемлемые от него, нашли закрепление в процессуальном законодательстве и имеют высокую практическую ценность.

В условиях цифровизации, под воздействием которой форсированно идет модернизация российской судебной системы, наметились две тенденции. С одной стороны, внедрение цифровых технологий направлено на расширение доступа к правосудию, оперативности и удобства его осуществления и, соответственно, превращения его в высокотехнологичный государственный сервис, доступный субъекту из любого места, где бы он ни находился. С другой стороны, технологизация влечет существенное упрощение процессуальной формы, ставит под сомнение возможность осуществления ряда символических действий, выраженных в ритуальной форме. В настоящее время не понятно, до каких пределов возможна оптимизация процессуальной формы и будут ли созданы такие цифровые сервисы, которые затормозят процесс ее трансформации, но ясно одно, что отказ от ритуальной формы способен необратимо исказить правовую природу правосудия, превратив его в публичный сервис.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Информационное общество и НБИКС-революция М. : Ин-т философии РАН, 2016. 196 с. EDN: ZXRUGX
2. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 97–104. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.097-104>
3. Умнова-Конюхова И. А. Правосудие в условиях цифровизации: актуальные аспекты становления и развития // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. 2022. № 3. С. 62–75. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.06>, EDN: HCJRGQ
4. Нырков В. В. К вопросу о теоретико-методологических (доктринальных) основах метода правового регулирования «электронных» правоотношений в сфере цивилистического судопроизводства // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии / под ред. И. В. Воронцовой. Казань : Отечество, 2020. С. 210–214. EDN: KINHGA
5. Каратаев И. А. Процессуальная экономия в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 243 с. EDN: EJUMAA
6. Зарубина М. А. Оправданные и неоправданные риски упрощения гражданской процессуальной формы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1. С. 7–12. <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-1-7-12>
7. Зиммель Г. О сущности культуры // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / сост. С. Я. Левит. 2-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 295–301.
8. Капицын В. М. Символы в праве и глобализация // Нравственные императивы в праве. 2012. № 1. С. 49–58.
9. Курдыбайло Д. С., Курочкин Ф. Ф. Метафизика и право: о термине «символ» в некоторых текстах императора Юстиниана I // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 17–28. EDN: ZKTMSH
10. Власова Г. Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса // Философия права. 2007. № 2. 69–73.
11. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. Т. 63. СПб. : Семеновская Тип. (И. А. Ефрона), 1901. 498 с.
12. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян / пер. с фр. С. П. Моравского. СПб. : Л. Ф. Пантелеева, 1899. 623 с.
13. Маронин Е. Ю. Отличие юридической фикции от других правовых понятий. URL: <http://superinf.ru> (дата обращения: 05.04.2024).
14. Шалагинов П. Д. Функции правовых символов : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 165 с. EDN: NOYMAV
15. Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 32 с.
16. Сафронова С. С. Римская символика правосудия и судебной власти // Древнее право. 2010. № 1 (25). С. 124–128.

17. Лонская С. В. Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 3. С. 359–365. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365>
18. Трезубов Е. С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3, № 2. С. 187–198. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-187-198>
19. Малахов В. П., Азнагулова Г. М. Проблема правоупонимания в условиях цифровой реальности // Вестник МГПУ. «Юридические науки». 2021. № 2 (42). С. 37–44. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.42.2.04>
20. Князькин С. И. Условный характер безусловных процессуальных оснований отмены судебных актов в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 6. С. 49–54. EDN: URTMCU
21. Кулишер М. О символизме в праве. Новые очерки из сравнительной истории культуры // Вестник Европы. 1883. № 7. С. 188–208.
22. Гинс Г. К. Право и культура: (Процессы формирования и развития права) // Известия Юридического Факультета в г. Харбине. Т. 12: Право и культура : Сборник в ознаменовании восемнадцатилетнего существования Юридического Факультета в городе Харбин / ред. Г. К. Гинс. Харбин : Русско-Манчжурская Книготорговля: Н. И. Никифоров, 1938 (Заря). С. 165–370.
23. Карсевич П. Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии. М. : Изд-во А. И. Мамонтова и К^о, 1875. 488 с.
24. Мальцев И. В. Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании. М. : НОРМА, 2022. 256 с.
25. Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 4–10.
26. Гуренко Д. В. Ритуалы и символы в судебной практике: правоантропологические аспекты // Юристъ-Правоведъ. 2006. № 4. С. 83–85. EDN: YLHAUP
27. Мячикова И. И. Методологические основы символикосведения. Минск : БГЭУ, 2002. 120 с. (Знаки и символы белорусской символики).
28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Русский язык, 1995. 907 с.
29. Гончарова Н. С. Символы в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. 301 с.
30. Никитин А. В. Правовые символы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 31 с.
31. Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 181 с.
32. Давыдова М. Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблема российского права. 2008. № 4. С. 4–11. EDN: KUXVQJ
33. Моисеева Е. Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа // Laboratorium. 2018. № 10 (1). С. 29–50. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-1-29-50>
34. Власова Т. В., Дуэль В. М., Занина М. А. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : РАП, 2013. 226 с.
35. Шумягина О. С. Сущность судебных ритуалов в лангобардском законодательстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 79–84. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-79-84>
36. Добронищенко Е. В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 7–12.
37. Палашевская И. В. Вербальные особенности британского законодательства // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2010. № 2. С. 191–196. EDN: MSUARH
38. Артемьева А. А. К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 74–77. EDN: NUTVMT
39. Никитин А. В., Фофанова Л. С. Правовой символ как особое средство юридической техники // Государство и право России: история – современность – перспективы развития : материалы IV регион. межвуз. науч.-практ. конф. (Новгород, 10 декабря 2008 г.). Н. Новгород : Нижегородский филиал Ин-та бизнеса и политики, 2009. С. 114–122.
40. Волпенко Н. Н. Правовая символика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 4–5. С. 71–73.
41. Интервью Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Гусева А. В. информационному агентству ТАСС. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=59&item=5741> (дата обращения: 10.05.2024).

References

1. Alekseeva I. Yu., Arshinov V. I. *Informatsionnoe obshchestvo i NBIKS-revolutsiya* [Information society and NBICS-revolution]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2016. 196 p. (in Russian). EDN: ZXRUGX
2. Bryantseva O.V., Soldatkina O.L. E-Justice in Russia: Problems and solutions. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 12, pp. 97–104 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.097-104>
3. Umnova-Konyuhova I. A. The future of justice in the context of digitalization. *Social and Humanitiens Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4. State and Law*, 2022, no. 3, pp. 62–75 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2022.03.06>, EDN: HCJRGQ
4. Nyrkov V. V. On the issue of theoretical and methodological (doctrinal) foundations of the method of legal

- regulation of “electronic” legal relations in the field of civil law proceedings. In: Vorontsova I. V. (ed.) *Transformatsiya i tsifrovizatsiya pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy v sovremennykh realiyakh i usloviyakh pandemii* [Transformation and digitalization of legal regulation of public relations in modern realities and conditions of the pandemic]. Kazan, Otechestvo, 2020, pp. 210–214 (in Russian). EDN: KINHGA
5. Karataev I. A. *Procedural economy in civil proceedings*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2023. 243 p. (in Russian). EDN: EJUMAA
 6. Zarubina M. A. Justified and unjustified risks of simplifying the civil procedural form. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2023, no. 1, pp. 7–12 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-1-7-12>
 7. Zimmel G. On the essence of culture. In: Zimmel G. *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Favorites. Contemplation of life]. 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2017, pp. 295–301 (in Russian).
 8. Kapitsyn V. M. Symbols in law and globalization. *Nravstvennye imperativy v prave* [Moral Imperatives in Law], 2012, no. 1, pp. 49–58 (in Russian).
 9. Kurdybajlo D. S., Kurochkin F. F. Metaphysics and Law: On the term “symbol” in some texts of Emperor Justinian I. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2019, no. 3, pp. 17–28 (in Russian). EDN: ZKTMSH
 10. Vlasova G. B. Symbols and rituals as cultural characteristics of legal proceedings. *Philosophiya Prava*, 2007, no. 2, pp. 69–73 (in Russian).
 11. *Entsiklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [The encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. Vol. 63. St. Petersburg, Semenovskaya Tipografiya (I. A. Efron), 1901. 498 p. (in Russian).
 12. Giro P. *Chastnaya i obshchestvennaya zhizn' rimlyan* [Private and public life of the Romans]. St. Petersburg, L. F. Panteleeva, 1899. 623 p. (in Russian).
 13. Maronin E. Yu. *Otlichie yuridicheskoy fiktsii ot drugikh pravovykh ponyatiy* (The difference between legal fiction and other legal concepts). Available at <http://superinf.ru> (in Russian) (accessed April 5, 2024) (in Russian).
 14. Shalaginov P. D. *Functions of legal symbols*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Nizhny Novgorod, 2007. 165 p. (in Russian). EDN: NOYMAB
 15. Rusakova N. G. *The oath as a general legal phenomenon*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Nizhny Novgorod, 2008. 32 p. (in Russian).
 16. Safronova S. S. Roman symbols of a justice and a judiciary. *Ivs Antiquvm*, 2010, no. 1 (25), pp. 124–128 (in Russian).
 17. Lonskaya S. V. Symbolization of judicial space as a historical and legal phenomenon. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 359–365 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365>
 18. Trezubov E. S. “Procedural revolution”. Review of changes to civil procedural Codes. *Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 187–198 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-187-198>
 19. Malakhov V. P., Aznagulova G. M. The problem of legal understanding in digital reality. *MCU Journal of Legal Sciences*, 2021, no. 2 (42), pp. 37–44 (in Russian). <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.42.2.04>
 20. Knyazkin S. I. Conditionality of unconditional procedural grounds for reversal of court rulings within simplified proceedings. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy process* [Arbitration and Civil Procedure], 2018, no. 6, pp. 49–54 (in Russian). EDN: URTMCU
 21. Kulisher M. About symbolism in law. New essays from the comparative history of culture. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1883, no. 7, pp. 188–208 (in Russian).
 22. Gins G. K. Law and culture: (Processes of formation and development of law). *Memoirs of the Harbin Law College*. Vol. 12. Law and Culture: A collection in commemoration of the eighteen-year existence of the Faculty of Law in Harbin. Harbin, Russko-Manchzhurskaya Knigotorgovlya, N. I. Nikiforov, 1938 (Zarya), pp. 165–370 (in Russian).
 23. Karasevich P. L. *Grazhdanskoe obychnoe pravo Frantsii v istoricheskom ego razvitii* [The civil customary law of France in its historical development]. Moscow, Izd-vo A. I. Mamontova i Ko, 1875. 488 p. (in Russian).
 24. Mal'tsev I. V. *Simvolyy v prave, pravovoy nauke i yuridicheskoy obrazovanii* [Symbols in law, legal science and legal education]. Moscow, NORMA, 2022. 256 p. (in Russian).
 25. Isaev I. A. Symbolism of the legal form (a historical perspective). *Pravovedenie* [Law Studies], 2002, no. 6 (245), pp. 4–10 (in Russian).
 26. Gurenko D. V. Rituals and symbols in judicial practice: Legal-anthropological aspects. *Jurist Pravoved*, 2006, no. 4, pp. 83–85 (in Russian). EDN: YLHAUP
 27. Myachikova I. I. *Metodologicheskie osnovy simvoliko-vedeniya* [Methodological foundations of the symbolism of management]. Minsk, BSEU Publ., 2002. 120 p. (in Russian).
 28. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk, 1995. 907 p. (in Russian).
 29. Goncharova N. S. *Symbols in Russian criminal law*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2024. 301 p. (in Russian).
 30. Nikitin A. V. *Legal symbols*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Nizhny Novgorod, 1999. 31 p. (in Russian).
 31. Sharno O. I. *Legal symbols as means of law enforcement technology*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2014. 181 p. (in Russian).
 32. Davydova M. L. Classification of legal symbols. *Actual Problems of Russian Law*, 2008, no. 4, pp. 4–11 (in Russian). EDN: KUXVQJ
 33. Moiseeva E. All rise! The court is now in session: Judicial proceedings as a subject of sociological analysis. *Laboratorium*, 2018, no. 10 (1), pp. 29–51 (in Russian).

34. Vlasova T. V., Duel' V. M., Zanina M. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, RAP, 2013. 226 p. (in Russian).
35. Shumiyagina O. S. The meaning of judicial rituals in Langobardic law. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2018, no. 1, pp.79–84 (in Russian). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-79-84>
36. Dobronichenko E. V. Functional and semantic scope of a ritual space: To the issue of definitions. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2013, no. 6 (81), pp. 7–12 (in Russian).
37. Palashevskaya I. V. Verbal peculiarities of British legislature. *Bulletin of North Ossetian State University Named After K. L. Khetagurov. Social Sciences*, 2010, no. 2, pp. 191–196 (in Russian). EDN: MSUARH
38. Artemjeva A. A. On the question of ritual: The etymology and definition of the term. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2010, no. 7, pp. 74–77 (in Russian). EDN: NUTBMT
39. Nikitin A. V., Fofanova L. S. The legal symbol as a special means of legal technique. *Gosudarstvo i pravo Rossii: istoriya – sovremennost' – perspektivy razvitiya* [State and Law of Russia: History – Modernity – Development Prospects: Proceedings of the IV Regional Inter-University Scientific and Practical Conf. (Novgorod, December 10, 2008). Nizhniy Novgorod, Nizhny Novgorod branch of the Institute of Business and Politics Publ., 2009, pp. 114–122 (in Russian).
40. Voplenko N. N. Legal symbols. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1995, no. 4–5, pp. 71–73. (in Russian).
41. *Interv'yu General'nogo direktora Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii Guseva A. V. informatsionnomu agentstvu TASS* (Interview of the Director General of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation Gusev A. V. to the TASS news agency). Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=59&item=5741> (accessed May 10, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024;
принята к публикации 01.06.2024; опубликована 25.12.2024
The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024;
accepted for publication 01.06.2024; published 25.12.2024